

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-33-44
УДК 330.101.330.8(045)
JEL A10, B2, B5, J24, O15

Глобальная социально-экономическая парадигма в системе высшего образования и государственного управления

В.В. Антропов

Финансовый университет, РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предметы исследования – трансформация глобальной социально-экономической парадигмы и ее влияние на систему высшего образования и государственного управления. *Цель работы* – выявление факторов трансформации глобальной социально-экономической парадигмы, воздействующих на формирование мировоззренческих установок студентов вузов и проводимую государственную экономическую политику. В статье рассмотрены особенности процесса смены социально-экономических парадигм в экономической теории и экономической политике, исследуются сущность понятия социально-экономической парадигмы и причины ее трансформации с точки зрения философии и методологии науки. Проведен анализ причин, факторов и движущих сил трансформации социально-экономических парадигм в XIX в. Показаны особенности перехода от кейнсианской к неолиберальной экономической парадигме. В рамках поиска альтернативы неолиберальной социально-экономической парадигмы исследуются принципы Пекинского консенсуса. Выдвигаются предположения о том, какие должны быть созданы экономические и политические условия после глобального финансово-экономического кризиса, чтобы открывались возможности для перехода от неолиберализма к новой социально-экономической парадигме, несмотря на то, что неолиберальный консенсус будет еще оставаться долгое время актуальным в общественном дискурсе и политике большинства развитых стран. *Делается вывод* о том, что важнейшим фактором формирования социально-экономических парадигм является экономическое образование. После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стало очевидным, что ортодоксальные экономические идеи и политика больше не могут способствовать решению основных проблем, стоящих перед западными экономиками и нет гарантий того, что в ближайшие годы не будет смен парадигмы в экономической мысли и политике. **Ключевые слова:** социально-экономическая парадигма; послевоенный консенсус; неолиберальный консенсус; Пекинский консенсус; Корнуоллский консенсус; человеческий капитал

Для цитирования: Антропов В.В. Глобальная социально-экономическая парадигма в системе высшего образования и государственного управления. *Экономика. Налоги. Право.* 2022;15(6):33-44. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-33-44

ORIGINAL PAPER

Global Socio-Economic Paradigm in the System of Higher Education and Public Administration

V.V. Antropov

Financial University, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subjects of the research are the transformation of the global socio-economic paradigm and its impact on the system of higher education and public administration. *The purpose of the study* is to identify the factors of transformation of the global socio-economic paradigm and to establish its influence on the formation of ideological attitudes of university students and the peculiarities of the state economic policy. The article examines the peculiarities of the process of changing socio-economic paradigms in economic theory and economic policy, explores the concept of socio-economic paradigm and the reasons for its transformation from the point of view of philosophy and methodology of science. The analysis of the causes, factors and driving forces of the transformation of socio-economic paradigms in the nineteenth century is conducted. The features of the transition from the Keynesian to the neoliberal economic paradigm are

© Антропов В.В., 2022

highlighted. As an alternative to the neoliberal socio-economic paradigm, the principles of the Beijing Consensus are investigated. The degree to which the economic and political conditions that have developed after the global financial and economic crisis open up opportunities for the transition from neoliberalism to a new socio-economic paradigm is assessed. *It is concluded* that the most important factor in the formation of socio-economic paradigms is economic education. After the global financial and economic crisis of 2008–2009, it became obvious that orthodox economic ideas and policies can no longer adequately solve the main problems facing Western economies. *It is concluded* that the neoliberal consensus remains dominant, albeit in a modified form, in public discourse and politics in most developed countries. There is no guarantee that there will not be a paradigm shift in economic thought and policy in the coming years.

Keywords: socio-economic paradigm; post-war consensus; neoliberal consensus; beijing consensus; cornish consensus; human capital

For citation: Antropov V.V. Global socio-economic paradigm in the system of higher education and public administration. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(6):33-44. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-33-44

ВВЕДЕНИЕ

Современная парадигма социально-экономического развития находится в периоде трансформации, что приведет, очевидно, к формированию государственной экономической политики иного типа, установлению новых траекторий развития общества и экономик многих странах. Современная теория эндогенного экономического роста, утверждающая, что инвестиции в человеческий капитал, инновации и знания вносят существенный вклад в экономический рост, учитывает инклюзивные институты, позволяющие любому человеку участвовать в экономической деятельности, создавать новый продукт, разрабатывать новые технологии и получать прибыль от своей деятельности. Таким образом, формируются стимулы, направленные на созидательную деятельность субъектов экономической деятельности, способствуя экономическому росту. Поэтому важнейшей предпосылкой дальнейшего развития общества может считаться преумножение человеческого капитала, который является одним из источников социального развития региона в отдельности и государства в целом в рамках современной социально-экономической парадигмы¹, что нуждается в ее подробном рассмотрении.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Экономическая теория и политика могут подразделяться во временном развитии на разные этапы, которые характеризуются доминированием

определенных наборов экономических идей. Такую совокупность идей можно обозначить как социально-экономическую парадигму или по выражению Т. Куна как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [1, с. 11].

Социально-экономические парадигмы оказывают влияние на академический и общественный дискурс, а также на национальные и международные директивные институты. За последние сто лет западная экономика пережила два периода перехода от одной социально-экономической парадигмы к другой. Первый период был связан с переходом от парадигмы *laissez-faire*² к послевоенному консенсусу и охватывал период от начала Великой депрессии в 1929 г. до формирования международных Бреттон-Вудских учреждений после Второй мировой войны. Это привело к 40-летнему периоду господства в теории экономических и политических подходов, основанных на принципах кейнсианской экономической школы, обычно описываемых как «послевоенный консенсус». Второй период был связан с переходом от послевоенного консенсуса к неолиберализму, который продолжался начиная с валютных и нефтяных шоков 1960-х и 1970-х гг. вплоть до начала экономической политики свободного рынка в 1980-х гг., приведя к формированию неолиберальной парадигмы, существующей по сей день (табл. 1).

Периодам трансформации социально-экономической парадигмы присущи неспособность доминирующих ортодоксальных экономических и политических идей их объяснения и невозможность замены

¹ Слово «парадигма» происходит от греч. Παράδειγμα и переводится на русский язык как пример, модель, образец.

² Слово *laissez-faire* обозначает в переводе с французского языка «позвольте делать» или принцип невмешательства.

Таблица 1 / Table 1

Особенности социально-экономических парадигм / Features of socio-economic paradigms

Социально-экономическая парадигма / Socio-economic paradigm	Нормативные основания / Regulatory grounds	Экономическая модель / Economic model	Экономическая политика / Economic policy	Источники и представители / Sources and representatives
Классический либерализм / Classical liberalism	Антипатернализм экономическая свобода, индивидуальная автономия, утилитаризм	Разделение труда, специализация, конкурентные рынки, количественная полезность	Свободная торговля и антимонопольное законодательство	Б. Мандевиль, Д. Юм, А. Смит, Д. Рикардо, И. Бентам, Дж.С. Милль
Кейнсианская социал-демократия / Keynesian social democracy	Социальная справедливость, социальное страхование,	Совокупный спрос, парадокс бережливости, теория второго лучшего, солидарная заработная плата	Управление спросом, перераспределение общественных благ, страхование от безработицы, эгалитарная политика предложения	У. Бевердж, А. Маршалл, Дж. Кейнс, Р. Майднер, Г. Рен, Дж. Роулз
Неолиберализм / Neoliberalism	Негативная свобода, процессуальное правосудие	Личный интерес и конкурентные рынки, критерий Парето-эффективности	Школьные ваучеры, отрицательный подоходный налог, приватизация телекоммуникационных и коммунальных услуг, снятие барьеров для международного движения товаров и капиталов	Ф. Хайек, М. Фридман, Л. Мизес, Г. Беккер, Ф. Найт

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ортодоксальной парадигмы новой моделью. Авторы большинства исследований на эту тему находятся под сильным влиянием теории смены парадигм в естественных науках Т. Куна, согласно которой изменение научных парадигм возможно при выполнении двух условий:

- наличие критической массы «аномалий», противоречащих доминирующей парадигме;
- успешная разработка альтернативной теории, которая лучше объясняет действительность.

Развивая идеи Т. Куна, И. Лакатос утверждал, что изменения в науке можно рассматривать с точки зрения «исследовательских программ», которые являются либо «прогрессивными», либо «вырождающимися». Причем первые побеждают тех, кто, не сумев объяснить объективные данные, стал вторыми [2].

В прогрессивных программах продвигаются новые теории и воплощаются идеи, которые лучше объясняют реальность.

Тем не менее теряющие свою актуальность программы сохраняются несмотря на то, что они не способны объяснить имеющиеся факты, и поэтому в конечном счете становятся не соответствующими прежнему статусу прогрессивных программ. По мнению И. Лакатоса, вырождающиеся программы могут иметь чрезмерную стойкость, будучи подкрепленными корыстными интересами ведущих ученых. Сдвиг парадигмы возможен только в случае, если прогрессивные программы получают достаточную поддержку, чтобы преодолеть влияние вырождающейся программы, и наступает переломный момент, после которого старая программа заменяется.

ПЕРЕХОД К НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

После окончания Второй мировой войны экономический рост и увеличение доходов населения эконо-

мически развитых стран привели к формированию в них социал-демократического консенсуса.

В основе экономической политики этих стран лежали кейнсианские принципы управления экономикой, направленные на достижение полной занятости как основного показателя экономического успеха. Режим фиксированных обменных курсов обеспечивал стабильные условия для роста международной торговли. Однако отказ США от золотого обеспечения доллара в 1971 г. обусловил ухудшение позиций платежных балансов ряда стран, что вызвало рост инфляции. Решение производителей нефти повысить цены на нефть усилило инфляционный шок, ускорив рецессию.

Долгосрочное снижение конкурентоспособности промышленного сектора экономик развитых стран и слабость производственных отношений стали следствием серьезных недостатков в производственном потенциале их экономик. Серьезными испытаниями для кейнсианских методов управления экономикой стали такие факторы, как стагфляция, провал антиинфляционной и валютной политики, проводившихся для восстановления конкурентоспособности национальных экономик.

Таким образом, критическая масса аномалий Т. Куна привела к вырождению действующей социально-экономической парадигмы. Появилась прогрессивная (неолиберальная) программа как альтернатива кейнсианской ортодоксии. В то время как экономисты и политики искали решение кризиса, сторонники неолиберального подхода предложили свой выход из сложившейся нестабильной ситуации.

Окончательное закрепление неолиберального консенсуса обычно связывают с экономической политикой победивших на выборах в 1979 г. М. Тетчер и в 1980 г. Р. Рейгана. Новые правительства ускорили эволюцию экономической политики, изменив основной объект макроэкономической политики с безработицы на инфляцию. Экономическая роль государства сократилась наряду со значительным уменьшением налогов и расходов, дерегулированием рынков и снижением роли профсоюзов на рынках труда. В течение следующих двух десятилетий правящие партии проводили неолиберальную политику, которая радикально изменила экономику западных стран.

Разумеется, переход от кейнсианской парадигмы к неолиберальной модели не был случайным. Одной из его движущих сил первоначально была небольшая группа ученых, организованных в общество Мон-Пелерин (по названию популярного курорта), основанное

в 1947 г. Ф. фон Хайеком, которое сформулировало основные положения всеобъемлющей и теоретически обоснованной критики послевоенной кейнсианской экономической политики.

К началу 1970-х гг. эта антиортодоксальная позиция ученых нашла поддержку у ряда экономистов и групп аналитических центров, исповедовавших неолиберальную экономическую идеологию, в которые вошли в 1940–1950-х гг. Американская ассоциация предприятий, Фонд экономического образования и Институт экономики Великобритании, а в 1970-х гг. — Институт Адама Смита (*Adam Smith Institute*), Фонд наследия (*Heritage Foundation*) и Институт Катона (*Cato Institute*).

Для экономистов, объединенных в эти центры, были характерны вера в несостоятельность государственного регулирования экономики и желание получения крупных финансовых пожертвований от крупных компаний и состоятельных частных лиц.

К концу 1970-х гг. идеи неолиберальных центров стали все чаще находить отражение в программах политических партий, создавая тем самым почву для их продвижения на практическом уровне.

Тем не менее, несмотря на занятие доминирующих позиций в экономических и политических построениях теории государства, неолиберализм не стал всеобъемлющим в академической сфере. Если в естественных науках сдвиг парадигмы Т. Куна означал полное принятие новой теории, то в социальных науках этого не происходило, поскольку в них никогда не отвергалась возможность достижения компромиссов между старыми и новыми взглядами.

Однако неолиберальная парадигма усиливала свои позиции на уровне практической экономики и политики ввиду того, что избранные неолиберально-ориентированные правительства могли обеспечивать переход к новой парадигме.

Изменения, внесенные в учебные программы экономических дисциплин в университетах, и принятие неолиберальных положений в экономической теории также оказали глубокое социокультурное воздействие на общество, закрепив идеи равенства экономических и политических свобод и незаменимости нерегулируемых рынков как единственного эффективного механизма распределения ресурсов. К концу 1980-х гг. даже пришедшие к власти левые правительства не изменили фундаментальные принципы неолиберальной парадигмы. Сдвиг в экономическом мышлении был более выраженным в США и Великобритании, чем в государствах континентальной Европы, где наибольшее

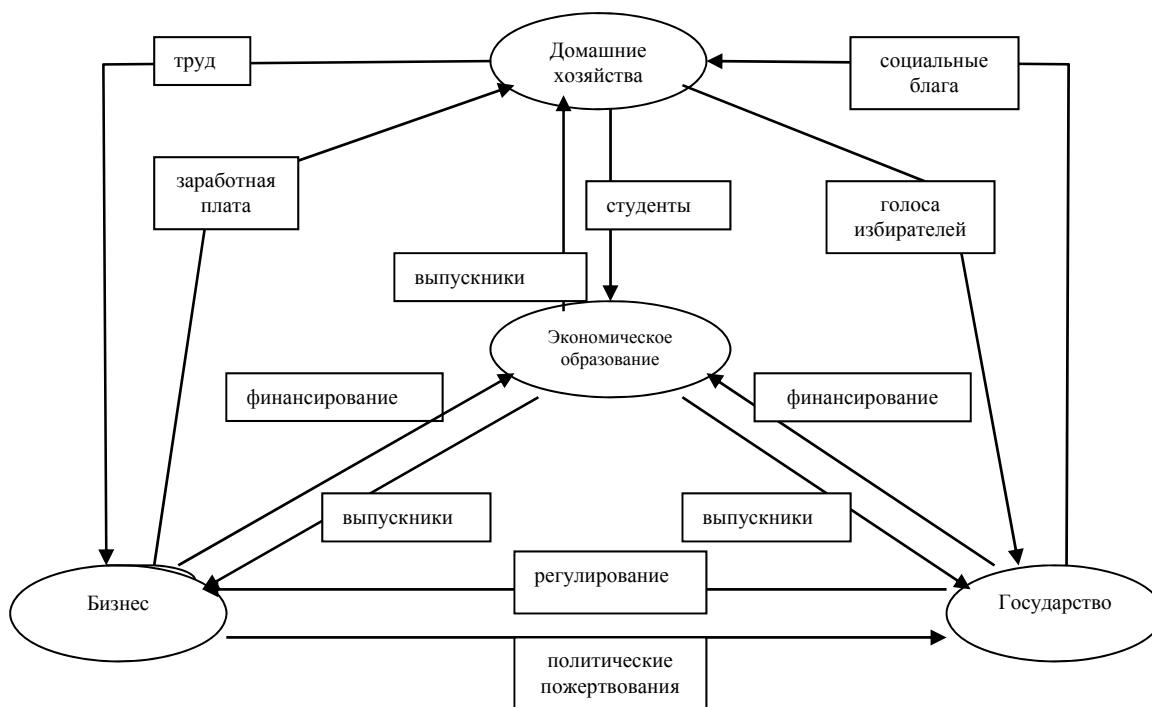

Рис. / Fig. Факторы, влияющие на формирование социально-экономической парадигмы / Factors influencing the formation of the socio-economic paradigm

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

влияние неолиберализм оказал на экономический курс избранного в 1982 г. правительства Г. Коля.

Важно признать, что неолиберальные правительства находили поддержку у крупного капитала. Ведь не случайно дерегулирование экономики, приватизация, снижение налогов и обеспечение гибкости рынков труда приносят пользу только большим корпорациям, крупным банкам и богатым людям. Их поддержка неолиберальной повестки проявляется как в обширной лоббистской деятельности, так и в пожертвованиях неолиберальной экосистеме. Например, Фонд экономических исследований «Атлас» обеспечивает в настоящее время международную поддержку и координацию около 400 аналитических центров в более чем 90 странах, причем многие из них в настоящее время работают над дискредитацией научного консенсуса по антропогенному изменению климата.

Как в других областях человеческой деятельности, формирование и утверждение социально-экономических парадигм зависят от выделяемых на их существование ресурсов. Как только консенсус достигнут, он, как правило, самоусиливается подобно сетевому эффекту. На рисунке представлено схематическое изображение взаимодействия основных факторов,

влияющих, на процесс формирования социально-экономической парадигмы.

Важнейшим фактором формирования социально-экономических парадигм является экономическое образование, которое оказывает гораздо большее влияние, чем это принято считать. Экономическое образование, выступающее фактором формирования социально-экономической парадигмы, реализуется через университеты, исследовательские центры и академические журналы, обеспечивая экономический консенсус в силу распространения ими новых экономических идей.

СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Экономическая парадигма воплощает в себе набор тех идей, которые преподаются студентам с первого курса в качестве основных экономических знаний. Экономическая парадигма приобретает свое влияние благодаря тому, что выпускники вузов переносят полученные ими знания во все сферы общества, обеспечивая интеллектуальную основу для общественного мнения и государственной политики. Однако передовые идеи академических исследований имеют на самом деле гораздо меньшее значение,

чем сами выпускники, которые выступают в качестве векторов экономической парадигмы, хотя не всегда осознанная роль, которую они играют, поскольку они считают свое обучение необходимым для получения нужной им для трудоустройства квалификации.

Работодатели также оказывают значительное влияние на формирование экономического консенсуса благодаря финансированию ими университетов и отбору их выпускников. Например, факультеты не будут получать гранты и пожертвования, а выпускники этих факультетов не будут приниматься на работу, если будет установлено, что они придерживаются экономических взглядов, которые не отвечают интересам бизнеса. Правительство, которое реагирует на запросы избирателей, также предоставляет университетам значительное финансирование. Но если государственное финансирование сокращается, а частное финансирование увеличивается, растущий спрос бизнеса на то, чтобы университетские исследования и образование были «актуальными», усиливает коммерциализацию образования.

Исследовательские гранты, предоставляемые государством, также должны соответствовать интересам бизнеса, иначе у выпускников университетов могут возникать сложности с трудоустройством. Следовательно, государственная политика в области образования, сформулированная в рамках существующей социально-экономической парадигмы, зависит от интересов бизнеса. Даже так называемые независимые экономические аналитические центры, консультирующие правительство и бизнесом, не защищены от влияния экономической парадигмы, поскольку им также приходится работать в ее рамках [3, p. 67–82].

В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стало очевидным, что ортодоксальные экономические идеи и политика больше не могут адекватно способствовать решению основных проблем, стоящих перед западными экономиками. Рецессия, поразившая западные экономики в условиях глобального кризиса, продемонстрировала несостоятельность неолиберального миропорядка. Однако неолиберальный консенсус остается хотя и в измененной форме доминирующим в общественном дискурсе и политике в большинстве развитых стран. Вопреки ожиданиям, он в значительной степени пережил глобальный финансово-экономический

кризис, а короткий период возврата к кейнсианской макроэкономической политике сразу после кризиса быстро сменился политикой жесткой экономии. Не имея других альтернатив, правительства западных стран первоначально вернулись к кейнсианскому налогово-бюджетному и денежно-кредитному стимулированию, чтобы справиться с рецессией, используя меры по передаче огромного общественного богатства на поддержку частной финансовой системы, которая уже доказала свои серьезные недостатки.

Парадоксально, но кейнсианское вмешательство было использовано для укрепления неоклассической парадигмы, в которой по-прежнему доминирует финансовализация. Предлагаемые реформы регулирования, такие как Базель III, по-прежнему основаны на той же парадигме, где принимаются те же самые ошибочные модели кредитного риска, а финансовая нестабильность считается экзогенной. Как заметил Дж. Стиглиц, «изменить парадигму непросто. Слишком многие вложили слишком много в неправильные модели. Подобно попыткам Птолемея сохранить геоцентричные взгляды на Вселенную, будут предприняты героические усилия по добавлению сложностей и уточнений в стандартную парадигму. Полученные модели будут улучшены, и политика, основанная на них, может работать лучше, но они также, вероятно, потерпят неудачу. Поэтому это может сделать только смена парадигмы» [4].

Отсутствие инноваций в экономической теории и практике в последнее десятилетие является свидетельством стойкости неолиберального консенсуса. Недовольство результатами неолиберальной глобализации привело к росту популистских политических партий, стремящихся направить недовольство населения против существующей неолиберальной парадигмы, давление на которую осуществлялось как справа, так и слева — от движения «Захвати Уолл-стрит» и создания в Испании левой партии «Подemos» до избрания Д. Трампа. Главными критиками неолиберализма на академическом уровне чаще всего выступали неокейнсианцы, институционалисты и марксисты. Так, неокейнсианцы акцентировали внимание на провалах в регулировании рынка на протяжении последних десятилетий и обосновывали необходимость возврата регулирования финансовой и корпоративной сферы. Институционалисты в духе концепций Т. Веблена и Дж. Гэлбрейта подчеркивали важность создающих рынки институтов, которые, по их мнению, образуются не спонтанно, а формируются государством. Поэтому выбор должен лежать не между

государственным регулированием или его отсутствием, а между институциональным устройством, действующим в интересах богатых, и тем, которое направлено на сокращение бедности и неравенства. Марксисты утверждали, что капиталистическая экономика переживает системный кризис и привела к расширению неравенства еще в больших масштабах, особенно в США, которые стали эпицентром глобального экономического кризиса.

За последние 30 лет в теоретической и практической экономике произошло много событий, которые бросали вызов неолиберальной ортодоксии.

Посткейнсианцы разработали новое понимание макроэкономики. Эволюционная экономика исследовала пути развития экономики с течением времени, в частности центральную роль инноваций. Ученые, выступающие за экономику сложности, рассматривающие ее не как систему, находящуюся в состоянии равновесия, а как единое целое в движении, непрерывно конструирующее себя заново, попытались понять, почему экономика функционирует не как система в равновесии, а как система в движении, строящая саму себя.

Институциональная и поведенческая экономики, изучающие эволюцию социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство, и влияние социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на поведение людей в сфере экономики, принятие экономических решений, выработали новые представления об экономическом поведении как организаций, так и отдельных лиц.

Экологическая экономика проанализирована с точки зрения фундаментальной зависимости экономических систем от биофизических процессов. Представители этих школ награждены Нобелевской премией, а некоторые из их идей получили широкое признание. Однако, несмотря на это, разработка экономической политики по-прежнему находится в руках людей, придерживающихся ортодоксальной неоклассической или неолиберальной точки зрения. Отчасти это является следствием политического господства неолиберализма. Но это также отражает институциональную инертность экономической профессии.

Самые престижные экономические журналы остаются в подавляющем большинстве ортодоксальными, в основном принимая статьи для печати в рамках господствующей традиции. Поэтому неортодоксальным экономистам трудно публиковаться в них и, следовательно, получать известность или продви-

жение по службе. Учебная программа по экономике в университетах по-прежнему очень традиционна, и студенты практически не знакомятся с альтернативными теориями.

Таким образом, экономическая профессия в значительной степени воспроизводит саму себя. Молодые экономисты, которые идут работать в бизнес и государственные структуры, в своем подавляющем большинстве придерживаются ортодоксальных неолиберальных идей. Отчасти это объясняется тем, что распространение новых экономических идей за последние десятилетия не привело к консолидации вокруг «новой парадигмы». Новые школы экономической мысли по-прежнему в значительной степени отделены друг от друга, существуют изолированно, без особого взаимного обогащения и почти без организационной координации. Несмотря на то, что в настоящее время заметно увеличилась обоснованная критика господствующей экономической теории, она не объединилась в какой-либо альтернативный консенсус. Не появилось ни одного ученого такого масштаба, как Кейнс, Хайек или Фридман, который мог бы сформулировать последовательный альтернативный подход к пониманию экономики и выработке экономической политики. Но в то же время спрос на такой подход стал гораздо более востребованным. Например, ведущие международные экономические организации стали все более критически относиться к основным политическим предписаниям.

По-разному Всемирный банк, ОЭСР, МВФ и Всемирный экономический форум в последние годы формулируют новые модели «инклюзивного и устойчивого» экономического роста и определяют новые способы измерения экономического успеха.

Если экономические потрясения и кризисы последнего десятилетия являются предвестниками сдвига в социально-экономической парадигме, то ясно, что мы находимся только на самых ранних стадиях этого сдвига. В большинстве стран экономическая политика еще не претерпела каких-либо существенных изменений и не достигнуто консенсуса относительно того, какая политика должна заменить ее. Тем не менее появились некоторые признаки наметившегося перехода к новой парадигме на нескольких уровнях.

Во-первых, можно говорить об изменении направленности общественного и научного дискурса как среди ученых, так и в международных учреждениях и аналитических центрах. Современная экономика более плюралистична, чем двадцать лет назад. В последние годы Нобелевская премия в области экономических

наук часто присуждается ученым, работающим вне неолиберальной ортодоксии. В англоязычном мире многие из самых известных экономистов, вносящих вклад в общественные дебаты, такие как Д. Родрик [5] и М. Маццукато [6], являются критиками неолиберальной теории и экономической политики. Однако это гораздо менее очевидно в других странах, особенно в Германии, хотя даже здесь заметен значительный сдвиг в сторону менее ортодоксальных взглядов [7, р. 9–27]. Несмотря на это, никакой всеобъемлющей альтернативной парадигмы до сих пор не появилось. Хотя сегодня многие известные западные экономисты разделяют критику неолиберальной ортодоксии, до настоящего времени было предпринято слишком мало усилий для формирования общей альтернативной точки зрения, которая могла бы связать воедино элементы нового плюрализма. Отчасти это вызвано тем, что имеются существенные различия в подходах различных экономических школ.

Во-вторых, растет интерес к значительному изменению подхода к политике, проводимой различными международными экономическими институтами. Три основных международных лидера в области экономической мысли и практики: ОЭСР, Всемирный банк и Всемирный экономический форум, G7 — поддерживают нарратив «устойчивого, инклюзивного роста», основанного на признании того, что неолиберальная модель породила как растущее неравенство, так и стала причиной экологического ущерба. В настоящее время невозможно утверждать, что консенсус вышел за рамки признания неудач доминирующей модели и согласия по набору более широких целей экономической политики, но попытки решения накопившихся проблем в свете глобальных вызовов современного мира, таких как бедность, изменение климата, социально-экономическое неравенство, замедление экономического роста, предпринимаются на уровне различных международных экономических институтов. Одним из документов, посвященных вопросам устойчивого развития, является инициатива ОЭСР «Новые подходы к экономическим вызовам» (*New Approaches to Economic Challenges, NAEC*), представляющая собой сборник мнений экспертов ОЭСР относительно того, как эти инициативы могут быть применены для достижения принципов устойчивого развития в свете глобальных вызовов современного мира³.

³ OECD. *New Approaches to Economic Challenges*. URL: <https://www.oecd.org/naec/policy-trade-offs-and-complementarities.htm>.

Одним из документов, представляющих особой интерес в свете формирования новой социально-экономической парадигмы, является коммюнике, принятое по результатам саммита G7, состоявшегося в Корнуолле в Англии с 11 по 17 июня 2021 г. Именно с этим документом связывают установление так называемого Корнуоллского консенсуса относительно перспектив развития мировой экономики, который может заменить собой Вашингтонский консенсус⁴. По мнению М. Маццукато, «если Вашингтонский консенсус минимизировал роль государства в экономике и продвигал агрессивную, «свободную рыночную» повестку дерегулирования, приватизации и либерализации торговли, то Корнуоллский консенсус... перевернет эти императивы. Оживив экономическую роль государства, это позволило бы нам преследовать социальные цели, укреплять международную солидарность и реформировать глобальное управление в интересах общего блага» [8].

В докладе «Глобальная экономическая устойчивость», подготовленном в преддверии саммита Группой семи по экономической устойчивости, содержатся рекомендации для лидеров «Большой семерки» по переосмыслению отношений между государственным и частным секторами в целях создания устойчивой, справедливой и устойчивой экономики. В документе подчеркивается, что инвестиции, стандарты и реформы управления будут иметь решающее значение для преодоления будущих потрясений, таких как пандемии и хронические основные риски экономической системы. Такие реформы в сфере управления должны быть направлены на устранение основных категорий рисков для экономической устойчивости: экологических и медицинских, а также геополитических и социально-экономических⁵. Поскольку, по мнению авторов, «ориентированные на рынок предпосылки Вашингтонского консенсуса⁶

⁴ G7 United Kingdom 2021. *Carbis Bay G7 Summit Communiqué*. URL: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3.pdf>.

⁵ G7 United Kingdom 2021. *Global Economic Resilience: Building Forward Better*. P. 7. URL: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3.pdf>

⁶ Вашингтонский консенсус — пакет реформ, предложенный в 1989 г. экономистом Д. Уильямсоном для переходных экономик, представляющий собой набор требований к экономической политике стран — получателей кредитов МВФ и МБПП, предъявляемых этими организациями. К числу таких требований относятся либерализация рынков и цен, инфляция менее 40% в год, ограничение государственно-

ограничивают экономическую политику, подрывая потенциал правительств в сотрудничестве с частным сектором для формирования экономики ... G7 должна привести к достижению нового консенсуса, который ставит во главу угла устойчивый и инклюзивный экономический рост, делает мир более стойким к экологическим, медицинским, социально-экономическим и геополитическим рискам и восстанавливает общественное доверие к основанной на правилах, свободной, справедливой и открытой глобальной экономической системе»⁷.

Наиболее важные рекомендации доклада, имеющие отношение к формированию нового Корнуоллского консенсуса, касаются таких тем, как изменение климата, трудовые стандарты, цепочки поставок и уязвимость рынков, цифровое управление и экономическое восстановление после пандемии. Большая часть опубликованной повестки дня саммита G7 согласуется с Корнуоллским консенсусом и Рекомендациями по стратегической политике, в частности по здравоохранению и климату, сделанными Группой семи по экономической устойчивости. Однако вопрос, насколько они будут учтены при проведении экономической политики лидерами «Семерки» в своих странах, остается открытым.

Параллели между нынешними экономическими условиями и обстоятельствами начала второй половины XIX в. очевидны. Доказательством тому, что изменения назрели, является динамика движения в направлении формирования новой социально-экономической парадигмы в академической среде, экономических институтах и гражданском обществе. Современный мир изменился, и обретен иной баланс между силами, которые выигрывают от статус-кво, и теми, кто получает преимущество от перемен. Однако полный отказ от старой парадигмы и принятие новой парадигмы возможны в случае согласованного взаимодействия усилий на различных уровнях. Это разработка новых идей, их распространение и легитимация в интеллектуальном дискурсе и учебных программах; поддержка этих идей на политическом уровне; разработка и осуществление государственной политики в бизнесе и государственных учреждениях, чтобы сделать эти изменения повсеместными.

го кредитования экономики и субсидирования экспорта, приватизация, либерализация внешней торговли, принятие мер по снижению дефицита государственного бюджета, а также торгового и платежного балансов.

⁷ Там же. Р. 16.

ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА?

Глобальный экономический кризис привел к попытке переосмысления неолиберальной экономической парадигмы, связанной с Вашингтонским консенсусом. Это возродило интерес к успешным стратегиям экономического роста в других странах, прежде всего в Китае. Китайский опыт является примером экономического успеха развивающейся страны среди других развивающихся государств мира. Добившись значительного прогресса в экономическом развитии и имея средние темпы экономического роста в 10%, Китай стал страной с доходом на душу населения выше среднего, что позволило ему вывести из нищеты более 500 млн человек за последние три десятилетия. Феноменальный экономический рост Китая как результат экономических преобразований на фоне разочаровывающих показателей многих стран развивающегося мира делают его модель развития достаточно привлекательной. В 2004 г. британский аналитический центр *Foreign Policy Centre* опубликовал статью под названием «Пекинский консенсус», автор которой (Джошуа Купер Рамо) использовал термин «Пекинский консенсус» для обозначения модели развития Китая как примера для экономического развития других стран. В основе концептуализации Пекинского консенсуса, который, как утверждал Рамо, заменил широко дискредитированный Вашингтонский консенсус, лежат три составляющих:

- развитие, основанное на инновациях как движущей силы экономического прогресса;
- приоритет устойчивости и равенства. Здесь главным является то, что экономический успех измеряется не ростом ВВП на душу населения, а его устойчивостью и уровнем равенства, необходимыми для повышения качества жизни населения;
- самоопределение в международных отношениях, необходимое для противостояния державам-гегемонам и обеспечения независимости от внешнего давления [9, р. 7–13].

Исходя их успешного опыта экономического развития Китая за последние три десятилетия продвигается идея альтернативы политическому инструментарию, предлагаемому развивающимся странам Международным валютным фондом и Всемирным банком, в противовес неолиберальному Вашингтонскому консенсусу. Важнейшими элементами Пекинского консенсуса являются финансовая поддержка государ-

ственного сектора, ограничения на развитие частного сектора и жесткий политический контроль, которые составляют основу развития Китая. Таким образом, в отличие от десяти политических рекомендаций Вашингтонского консенсуса, главная особенность Пекинского консенсуса заключается в том, что он не дает окончательные конкретные рекомендации для практического использования. На основании этой особенности Пекинского консенсуса Рамо делает вывод, что «ключевым компонентом китайской модели является ее идеологическая и оперативная ловкость. Китай не потрудился следовать каким-либо установленным экономическим и политическим предписаниям, но смело и новаторски экспериментировал. Эклектичный подход, используемый Китаем, включает множество институциональных форм. Если государственная собственность способствует росту, зачем ее приватизировать? Если однопартийная система творит чудеса в обеспечении роста ВВП, зачем ее демократизировать? Если государственный финансовый контроль эффективен в мобилизации ресурсов, зачем проводить либерализацию?» [10, р. 3] Таким образом, можно утверждать, что преимущество Пекинского консенсуса заключается в его нетрадиционном подходе к экономическому развитию, который бросает вызов традиционной неоллиберальной институциональной политике, изложенной в Вашингтонском консенсусе.

Поскольку западная модель пытается навязать универсальное для всех решение для различных структур, систем и потребностей, становится проблематичным ее применение, когда им подражают развивающиеся и слаборазвитые экономики. Например, латиноамериканский экономический кризис был результатом подражания модели свободного рыночного капитализма Вашингтонского консенсуса, а не принятия путей развития, которые конкретно соответствовали латиноамериканским условиям.

Однако если в интерпретации Вашингтонского консенсуса были двусмысленности, то в отношении компонентов Пекинского консенсуса была еще большая степень неточности. На всеобъемлющем уровне Пекинский консенсус использовался для описания ситуации, в которой страны с формирующейся рыночной экономикой и развивающиеся государства стремились имитировать экономическую политику, проводимую в Китае. На этом уровне Пекинский консенсус охватывает весь спектр экономической политики и поэтому является всеобъемлющим. В более узком смысле Пекинский консенсус используется для описания стратегии развития, которая строится

вокруг постепенного перехода к либерализации рынка. В данном контексте это больше относится к «процессу», чем к конкретной комбинации стратегий и убеждению, что постепенный подход к экономическим реформам, принятый в Китае, превосходит подход к «шоковой терапии», которому следовали в других странах с переходной экономикой.

Таким образом, оба консенсуса — Вашингтонский и Пекинский — обеспечивают различные пути развития. В отличие от Вашингтонского консенсуса, который содержит кодифицированные политические рекомендации из десяти пунктов, в Пекинском консенсусе отсутствуют кодифицированные политические рамки или руководящие принципы. В отличие от моделей развития, которые предоставляют в распоряжение политиков набор политических предписаний (например, Вашингтонский консенсус) или фундаменталистскую приверженность определенной экономической традиции (например, неоллиберализм, марксизм), философская интенциональность Пекинского консенсуса отражена в известных словах Дэн Сяопина: «Мне все равно, белая это кошка или черная кошка... Это хорошая кошка, пока она ловит мышей». Иными словами, Пекинский консенсус, по сути, признает, что каждый сценарий развития имеет потенциальный набор проблем, которые могут потребовать уникальных и/или экспериментальных решений исходя из текущей политической, социальной и экономической обстановки.

Именно эта двусмысленность ставит под сомнение претензии Пекинского консенсуса на альтернативную модель развития, которая к тому же содержит негативные аспекты, в частности рост экономического неравенства. Это позволило некоторым авторам даже заявить о завершении Пекинского консенсуса, поскольку политика свободного рынка, проводимая в Китае, привела к увеличению неравенства в доходах и самому большому разрыву между городом и деревней в мире. Этот асимметричный экономический рост медленно ведет Китай в опасную ловушку среднего дохода, с которой столкнулись другие развивающиеся страны [11]. Именно эти пробелы делают Пекинский консенсус сомнительным с точки зрения того, чтобы служить альтернативной моделью развития для развивающихся стран.

Оценка применимости Пекинской модели к внешнему миру в качестве альтернативы может делаться с двух сторон. *Во-первых*, Пекинский консенсус следует рассматривать как ограниченный уникальный опыт Китая (идея социализма, самое большое в мире

население, сохранение старых конфуцианских традиций и единой национальной идентичности). Во-вторых, он рассматривается как удобная отправная точка для определения способа развития, который не зависит от принятой западной модели, тем самым способствуя усилению голоса развивающихся стран в глобальных делах. В отношении этого альтернативного аспекта Пекинский консенсус является не консенсусом в том же смысле, что Вашингтонский консенсус. Он, по словам Дж. Уильямсона, автора Вашингтонского консенсуса, просто является восприятием теми, кто находится за пределами Китая, того, что делает Китай [12]. Это скорее всего новое представление глобального порядка, которое призвано быть альтернативой нынешней доминирующей неолиберальной идеологии [13, р. 342].

ВЫВОДЫ

Социально-экономические парадигмы оказывают влияние на академический и общественный дискурс, а также на национальные и международные директивные институты. За последние сто лет западная политическая экономия пережила два периода перехода от одной социально-экономической парадигмы к другой.

Первый период был связан с переходом от парадигмы *laissez-faire* к послевоенному консенсусу и охватывал период от начала Великой депрессии в 1929 г. до создания международных Бреттон-Вудских учреждений после Второй мировой войны. Это привело к 40-летнему периоду господства экономических и политических подходов, основанных на принципах кейнсианской экономической школы, обычно описываемых как «послевоенный консенсус».

Второй период был связан с переходом от послевоенного консенсуса к неолиберализму. Переход к нему продолжался начиная с валютных и нефтяных шоков 1960-х и 1970-х гг. вплоть до начала экономической политики свободного рынка в 1980-х гг. Этот переход привел к формированию неолиберальной парадигмы, существующей по сей день.

Формирование и утверждение социально-экономических парадигм зависит от выделяемых на

ее существование ресурсов. Как только консенсус достигнут, он, как правило, самоусиливается подобно сетевому эффекту. Важнейшим фактором формирования социально-экономических парадигм является фактор экономического образования, которое оказывает гораздо большее влияние, чем это принято предполагать. Экономическое образование как фактор формирования социально-экономической парадигмы осуществляется университетами, исследовательскими центрами и академическими журналами.

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стало очевидным, что ортодоксальные экономические идеи и политика больше не могут находить адекватные решения основных проблем, стоящие перед западными экономиками. Рецессия, поразившая западные экономики в условиях глобального финансового кризиса, показала несостоятельность неолиберального миропорядка. Однако, несмотря на это, неолиберальный консенсус остается хотя и в измененной форме доминирующим в общественном дискурсе и политике в большинстве развитых стран. Свидетельством стойкости неолиберального консенсуса является также отсутствие инноваций в экономической теории и практике в последнее десятилетие.

Параллели между нынешними экономическими условиями и условиями начала второй половины XIX в. очевидны. Доказательством тому, что изменения незрели, является динамика движения в направлении формирования новой социально-экономической парадигмы в академической среде, экономических институтах и гражданском обществе. История не повторяется, как якобы сказал Марк Твен, но она часто рифмуется. Конечно, нет никакой гарантии, что в ближайшие годы мы не увидим смену парадигмы в экономической мысли и политике. Но доказательства того, что требуются серьезные реформы, убедительны, а в экономической теории, в экономических институтах и в гражданском обществе явно наблюдается тенденция в этом направлении.

Для тех, кто приветствовал бы перемены, настоящий момент предлагает как возможности, так и проблемы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена на основе научно-исследовательской работы, выполненной в рамках государственного задания 2022 г.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared on the basis of research work carried out within the framework of the state task 2022.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс; 1977. 300 с.
Kun T. The structure of scientific revolutions. Moscow: Progress; 1977. 300 p. (In Russ.).
2. Лакатос И. Философия и методология научно-исследовательских программ. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект; 2008. 475 с.
Lakatos I. Philosophy and methodology of scientific research programs // Selected works on philosophy and methodology of science. Moscow: Academic Project; 2008. 475 p. (In Russ.).
3. Sy W. Endogenous crisis and the economic paradigm. *Real-world economics review*. 2012. Issue no. 59.
4. Stiglitz, J. Needed: a new economic paradigm. *Financial Times*, August 19, 2010. URL: <https://www.ft.com/content/d5108f90-abc2-11df-9f02-00144feabdc0>.
5. Родрик Д. Парадокс глобализации. Демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара; 2014. 576 с.
Rodrik D. The paradox of globalization. Democracy and the future of the world economy. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2014. 576 p. (In Russ.).
6. Jacobs M., Mazzucato M. Rethinking capitalism: economics and policy for sustainable and inclusive growth rethinking capitalism. Wiley Blackwell. 2017.
7. Fricke T. Altes Einheitsdenken oder neue Vielfalt? Eine systematische Auswertung der großen Umfragen unter Deutschlands Wirtschaftswissenschaftler_innen, FGW Studie Neues ökonomisches Denken 03. 2017.
8. Mazzucato M. A new global economic consensus. *Social Europe*. 14 October 2021. URL: <https://socialeurope.eu/a-new-global-economic-consensus>
9. Ramo J. C. The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre. London; 2004.
10. Yasheng H, Rethinking the Beijing Consensus. *Asia Policy*. 2011;(11).
11. Yang Y. The End of the Beijing Consensus: Can China's Model Authoritarian Growth Survive? *Foreign Affairs*. 2010. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2010-02-02/end-beijing-consensus>.
12. Williamson J. IIE's Williamson: There is no 'Beijing Consensus'. 2010. *International Political Economy Zone*. 2010. URL: <http://ipezone.blogspot.com/2010/11>.
13. Jash A. De-coding the 'Beijing Consensus': Is it an Alternative Growth Model? *Yonsei Journal of International Studies*. 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владислав Владимирович Антропов — доктор экономических наук, профессор департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры экономической теории, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

Vladislav V. Andropov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia; Prof. of the Department of Economic Theory, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2991-2877>
antropovvl@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: the author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.09.2022; принята к публикации 15.11.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 01.09.2022; accepted for publication 15.11.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.